

ЭКРАН И СЦЕНА

6 июня 1989 г.

Сов. культура

ПОРТРЕТ

О ДИНАРЕ Асановой он упоминает очень часто и всегда с благоговением. Ее смерть в сорок два года в Мурманске на очень трудных съемках он ставит в ряд с ранним уходом Шпаликова, Дала, Высоцкого, Шукшина...

Шукшина он видел на сдаче последнего фильма. Легко набрасывает сцену: раздраженные, придирчивые, начальственные голоса и Василий Макарович, вдавивший в живот кулак, чтобы хоть как-то утихомирить язву. Жест дается легко и точно — Приемыхов сам изведен тем же недугом, просыпающимся, как известно, от десятикратных душевных перегрузок.

С внешней стороны все благополучно, даже более: сценарист, которого часто ставят, и вдобавок актер, которого часто снимают. За роль крутого праведника Паши в «Пацанах» он вместе со штабом съемочной группы, вместе с Динарой Асановой получил значок лауреата Государственной премии (только однажды я видел его со значком — по дороге к милиционеру начальнику, чтобы вырвать забубенного приятеля-артиста). В прошлом году — новый большой успех: читатели «Советского экрана» огромным большинством голосов назвали его лучшим исполнителем мужской роли — Лузга из «Холодного лета пятидесяти третьего...». Фильм понравился и за океаном. В самом конце президентства Рейгана возникла миротворческая затея: конгресс США дарит нашему Верховному Совету два американских фильма, а мы дарим конгрессу два своих. Что ж, среди взрослых можно не скрывать: подарки прошли тайную проверку, их выбирали из десяти кандидатов. С «Юмиссаром» отправился в Белый дом Нонна Мордюкова, с «Холодным летом...» — Валерий Приемыхов.

Сегодня у него сложилось уже несколько веселых рассказов об этой одиссее. Про то, как обнаружилось, что «Бонинг» над Атлантикой, что можно взять у стюарда прохладительное на наши родные рубли и даже получить сдачи в долларах. Как на людном перекрестке Нью-Йорка к нему со всех ног устремились тамошние «менты» — полисмен с дубинкой, но лишь для того, чтобы спросить: «Мистер, кажется, заблудился? Не могу ли я помочь?» Как был устроен повторный просмотр, для обслуживающего персонала, после чего их с Мордюковой стали узнавать лифтеры и подметальщики, а незнакомые негры отчаянно подмигивали: о кей! — и хлопали по плечу: не трусь, мол, и наши угнетенные нации еще увидят небо в алмазах...

Самое трудное, по словам Приемыхова, и самое смешное для его слушателей произошло во время званого обеда с женами конгрессменов — в смокинге напрокат, перед непонятными блюдами, с десятком положенных вилочек и ложечек надо было вести непринужденную светскую беседу да еще отпустить шутки, на которые так падали американцы. Его портреты — как «русской кинозвезды» — были в вашигтонских и не только вашигтонских газетах. На заключительной пресс-конференции последовал вопрос: какую роль он хотел бы сыграть в Голливуде? Он машинально выпалил: «Любую!» — и теперь сокрушается: надо было покуражиться, изобразить немислимую взыскательность, потребовать сценарий. Тогда, может быть, появилась бы и роль.

Он прекрасный рассказчик, мягкий, тактичный, недоговаривающий, с острым чувством собеседника или аудитории. В прозе, которую он пишет с юности, Приемыхов другой — резкий, с отстранением от себя, скорее печальный и яростный, чем веселый. Обычно его герои загнаны в ловушку судьбы, иногда принуждены переступить черту закона без надежды выкрутиться, без единого шага к этому, и тогда нам остается наблюдать, как надломленный человек титанит сохранить свое достоинство.

Сегодня он привык, что рассказы эти с вежливой улыбкой ему возвращают из редакций. А когда-то крепко негодовал: ну почему, почему? Слишком литературно? Или слишком про жизнь? Учился он тогда во ВГИКе, на сценарном, в общеклассической школе, не смог, нанялся дворником, только бы иметь четыре стены и возможность ни свет ни заря стучать на машинке. В ту пору он не раз с гневом жаловался своему мастеру Иосифу Михайловичу Маневичу:

— Не пускают! Ну не пускают, и все.

И кроткий Иосиф Михайлович нежно уверял:

— Ничего, Валерик. Напишите «Даму с собачкой» — пустяк.

Завет запомнился. Хотя Чехов ни как прозаик, ни как драматург не был в числе его кумиров.

Редкий случай: он до сих пор называет на память героев Жюль Верна, ситуации Джека Лондона, приводит сочные описания Диккенса. В детстве он был запойной книголюб, а библиотека была маленькая, сельская, при школе. Сын лесовода, он здесь, на берегу Амура, еще не знал, что есть какой-то другой мир, где вовсе

не каждый четвертый — ээк и не каждый второй — на поселении. Среди соседей по барак обитал на равных со всеми правах «секретарь Деникина» — так о нем шушукались. Оказалось потом, что вовсе не секретарь, а единственный грамотный человек в деревне, где отыскали его денникины: под их диктовку он и написал десяток каких-то приказов. За что и оттабанил свои двадцать пять, а теперь спокойно почивал в ссылке.

Мальчишкой Валерий Приемыхов избежал обоих грехов, столь распространенных тогда в центральной России, — и шарахания от осужденного, и, наоборот, упоения блатной романтикой. Для него, как и для всех в тех местах, люди в лагере или после лагеря были обычными людьми, а лагерные песни, жаргон, байки-прибаутки звучали без всякой завышенности. Была такая история, она многим западала в душу — как повели блатнягу на расстрел, а он — хресь! — рвет на себе рубаху, и у него во всю грудь выхолот Сталин. Не будешь же палить из винтовок в вождя! Повернули — а у

Валерий садится за машинку с той обязательностью, с которой ходят на работу. Он не умеет витать в облаках, даже если бы захотел. Отдача, как всегда, быстра, но ловится ли в ней удача? Уже на предпоследнем курсе, на последнем он заключал договоры с киностудиями, и вскоре после окончания вуза увидел на экране фильм по собственному сценарию. Есть от чего загордиться, не правда ли? Но что остается от твоей гордости в тот миг, когда ты читаешь в уже знакомом нам «Советском экране», что «Иван и Коломбина» назван читателями самым плохим фильмом года.

Самым плохим! Конечно, надо иметь в виду отсутствие режиссерского остроумия, но и то верно, что в тексте сценария существуют значительные лакуны, будто нарочно поджидющие в ловушку режиссерскую мысль. Такой странный, такой нелепый сценарий мог написать только очень талантливый человек.

И вот появилась Динара — через каких-нибудь шесть-семь лет. Они вместе сделали «Ни-

ву и Гребенщикова. Не дали. Через много лет его поставил другой режиссер и с Кинчевым.

А впервые Приемыхов встал перед камерой в скромном фильме «Жена ушла», обязанный этим, как ни странно, Владимиру Высоцкому. Тот намечался на картину вместе с Мариной Влади, но у Асановой не было сил пробить через кабинеты опального барда с Таганки. Зато расстроилась. Приемыхов и Елена Соловей сыграли центральную пару.

Сыграли удачно: он тут же получил приглашение в фильм «Личная жизнь директора», где надо было повторить в точности то же самое только теперь в дуэте с Фатеевой.

Он не знал еще тогда, что режиссеры мыслят стандартно, что на роль директора обычно ищут того, кто недавно удачно сыграл директора, а на роль педагога — того, кто предводительствовал школьниками на экране полгода назад.

В «Простой смерти» режиссера А. Кайдановского он, мне кажется, вовсе не играет, по крайней мере не старается. По всей поэтической системе этой неожиданной экранизации «Смерти Ивана Ильича» ему достаточно было со скрупулезной натуральностью оставаться самим собой, живым человеком, одним из нас, обреченных умереть, а находчиво найденная борода легко подкашивала ассоциации: в одних кадрах — с Достоевским, в других — с Толстым.

Получив приглашение на «Холодное лето...», Приемыхов заколебался. К тому времени он с легкой душой научился отклонять сценарии, повторяющие сделанное или просто неинтересные, — преимущество исполнителя, живущего ремеслом сценариста. Но тут был особый случай. Впервые на экране появлялся ээк из «политических», да еще, по сюжету, скитавшийся за всех нас с шайкой уголовников-бандитов.

Сюжет вполне сочинен, но история сочиняла и не такое. Амнистия по смерти Сталина была провокационно чрезмерной. Лаврентий Павлович, как некоторые сегодня, была бы наружу любая дестабилизация. Эшелоны освобожденных наводили страх на жилые места вдоль Транссибирской магистрали. В городе Вольном, как говорят, они потеснили милицию и держались до прихода армии. Приемыхов помнил по детским своим впечатлениям, как ему два месяца запрещали приближаться к станции.

Он сыграл роль Лузги смело и кропотливо, рискованно и раскованно — Бог ему режиссировал вместе с изобретательным А. Прошкиным. Эта неодолимая сонливость за годы недосыпа, эта возможность устроиться в любой позе и в любом месте, хоть среди дороги, в пыли — сам ведь «лагерная пыль». Эта привычная виноватая согнутость и пустые глаза, из которых, кажется, навсегда выбили гордость и личность. Мертвая, невозмутимая безмятежность, что бы ни сказали, что бы ни бросили в лицо, а когда бьют — запаздывающий автоматизм защиты. И вдруг — челчок! Будто со скрежетом передвинулся рычажок в оживающей душе, когда выяснилось, что кто-то погубит без твоей защиты.

Приемыхов всегда переписывает чужой текст — под себя, под роль. В этом фильме он сократил примерно треть предложенных ему слов. Я думаю, правильно. И реальнее, и рельефнее — то, что другому следовало бы произносить, у него написано на лице, в глазах.

Старый большевик в интервью Ленинградскому радио: «Фильм мне, в общем, понравился, но вот тот человек, главный герой... Сколько ему лет? Ах нет, значит, я ошибся. Мне казалось, что мы с ним вместе сидели в Воркуте».

Письма приходят мешками, от сидевших и от несидевших, сплошь восторженные. Иногда, правда, с замечаниями: не слишком ли высокое у вас звание — капитан? И еще: знайте, что политические старались не употреблять благую речь, а если уж произносили какое-то слово или два, то на иронический манер, будто цитируя.

Теперь уже точно — его узнают на улице. Кто не мечтал бы о новой удаче такого же масштаба? А он уходит в режиссуру.

«Штаны» на театральном жаргоне — слабый артист, мужчина при брюках. Сценарий, написанный восемь лет назад (и тоже для Динары Асановой), назывался в ту пору иначе — «Благородный друг». Это тоже театральные термины, обозначение амплуа. С годами, как видим, Валерий Приемыхов не стал добрее к тем, кто стоит в стороне. Фильм о неверной, нелепо прожитой жизни строится поначалу как детектив, чтобы по ходу действия перерасти в комедию криминальных нравов южного города, и оборваться на драматической, горькой ноте.

Многие сцены сняты скрытой камерой, а на важнейших ролях заняты непрофессионалы или полупрофессионалы.

— Этому я тоже учился у Динары, — говорит Приемыхов.

Виктор ДЕМИН.

Благородный друг

него на спине — Ленин! Так и отпустили! Валерий еще малолеткой шуршил на эти рассказы. Он понимал: нет, не отпустят. Да и стреляют, он уже знал, не в грудь, а в голову, в затылок.

А вот другая история, из жизни. Пропал человек, а по весне всплыл трупом. Стали грешить на приятеля его и сверстника, с которым видели в последний раз, — за околицей, на при-волье, пили водку. Был с ними отец этого второго, ему уже под семьдесят. Когда пришли за сыном, старик объявил, что убийца — он. Все рассказал, подробно и охотно. Село осталось в убеждении, что взял на себя дедуля сыновний грех: тому, кто в летах, дадут меньше, а молодому еще подымать семейство, троих детей ставить на ноги.

Джек Лондон? Фолкнер? И так, и так подступался Приемыхов к истории. В конце концов из этого получилось нечто не очень похожее (смотри фильм «Штаны», которым сценарист дебютировал в нынешнем году как режиссер).

В юности, понятное дело, он писал о другом, но забавно, что печатался. Напечатался в шестом классе — областная газета поместила что-то очень барабанное, про сознательных пионеров, которые успешно учили друг друга, как стать еще сознательнее. После школы — два года токарем в механических мастерских, армия. В казарме он продолжает писать, и теперь уже краевая газета печатает «Трудный день сержанта Бена Хэнди» — фамилию я мог подпутать, но что американский сержант был расистом, помню хорошо: «трудный день» послал ему слишком много стычек с неграми.

Приятель, каждый праздник читавший со сцены «Стихи о советском паспорте», подговорил ехать учиться на артистов. Сдавали экзамены во Владивостокский институт искусств и поступили оба. Год Приемыхов отработал в театре города Уссурийска, с каждым днем убеждаясь все более, что занимается совсем не своим делом. Но, должно быть, и это надо было пройти. Когда потом Динара Асанова сначала как бы в шутку, а потом все более серьезно пожелала поставить его перед камерой, она, должно быть, видела не только его внешние данные, но и чувствовала какую-то, пусть самую простодушную, но все-таки школу.

Явившись завоевывать Москву, Приемыхов разом поступил и в Литературный институт на отделение прозы, и на сценарный факультет. Во ВГИКе было больше экзаменов. По этой или по другой причине, но он остался тут. Он был уже не так молод — для ВГИКа тех лет сравнительная редкость. И очень, очень жаждал как можно скорее определиться.

Спросим: чувствует ли он себя определившимся хотя бы сейчас?

Приемыхов смеется, пожимает плечами.

— Когда ко мне приезжает отец, он все время осуждающе качает головой. Скоро девять, все люди разбежались на работу, а я почему-то сижу за письменным столом. Он спрашивает: «А пенсию ты где собираешься получать?» Я объясняю всю пенсионную процедуру у нас. Он вздыхает: «Лучше бы ты ходил на завод...».

кудышную, сильную, жгучую картину для телевидения, которую мало кто видел, по-моему: сначала ее нещадно резали и сокращали, потом четыре года держали под арестом, а потом показали один-единственный раз, в самое неудобное время и без анонса. Между тем продукт начала застойного периода, эта картина далека от благодушия. Ее героиня, девочка-бесенок, кусается, рычит, кричит и стонет. Кажется, весь мир хорошо постарался, надругавшись над этой большой душой, и ясно, что делает она с миром, дайте ей только волю. Человек от природы добр? Возможно. Но, вырастая в таких вот жизненных тенетах, он теряет всякие представления о доброте.

Динара нашла Приемыхова, как находят соратника в работе и союзника в художественной борьбе.

Сегодня мы дружно занялись вопросом, легко ли быть молодым, пишем ученые статьи о «проблеме молодых», об их «загадке», прислушиваемся к их языку, к их музыке, стараемся понять их культуру и способ бытия. Десять лет назад, а тем более пятнадцать ничего подобного не было. Витала над всем плохо похороненная догма, что «вражды поколений» у нас нет и быть не может. Отважные одиночки вроде Р. Быкова ставили фильмы о подростках, одержимых вполне взрослыми проблемами. Начальство мирилось с этим как с причудой при общем бодром звучании кино-репертуара. Асановой за пленительную ленту «Не болит голова у дятла» засадили третью, худшую из возможных категорий.

В ситуации без надежды дети погибают первыми. Их открытость и незащищенность облегчают анализ беды. Так рассуждала Динара. Горький жизненный опыт Приемыхова подбавил в их слухах едкости и грусти.

Фильм «Милый, дорогой, любимый, единственный» стал их последней совместной работой. Сценарий «Взломщик» писался на Асанову и Гребенщикова.